

УДК 398.22; 821

МИФО-ФОЛЬКЛОРНЫЕ ТРАДИЦИИ В ОСЕТИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Кусаева З.К.

*Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований
им. В.И. Абаева Владикавказского научного центра Российской академии наук и Правительства
Республики Северная Осетия – Алания, Владикавказ, e-mail: kusaevaz@mail.ru*

В данной статье выявляется степень актуализации мифо-фольклорного пласта: эпических мотивов и архетипических символов, нашедших отражение в национальной литературе осетин. Основой исследования является установление динамики проявления в литературном дискурсе разных форм мифологических заимствований, в том числе, мифологического образостроения, сюжетостроения, использование мифологических мотивов, реминисценций, аллюзий и пр. В осетинской литературе выстраивается весьма внушительный ряд несомненно выдающихся писателей, творчество которых апеллирует к эпическим мотивам. Одним из первых представителей осетинской словесности, обратившихся в своем литературном творчестве к мифопоэтическим мотивам, является Коста Леванович Хетагуров. Являясь носителем доминантных смыслов этнических традиций своего народа, Хетагуров вобрал в свое художественное сознание эпические сюжеты и мотивы, явившиеся архетипической основой его литературных произведений. Творческий поиск осетинских писателей неизменно связан с мифопоэтическими мотивами. Черпая вдохновение в безграничном мире нартовских сюжетов, проникающих в художественное сознание из глубин вечности и усматривая неисчерпаемые возможности художественных реконструкций архетипов, авторы литературных произведений на эпическом материале попытались обосновать сакральные смыслы архаической картины мира и представили репрезентацию некоторых мифологических архетипов в художественных образах своих литературных произведений.

Ключевые слова: Нартовский эпос, осетинская литература, сказительство, архетипы, мифопоэтика

MYTHOLOGICAL AND FOLK TRADITIONS IN OSSETIAN LITERATURE

Kusaeva Z.K.

*North Ossetian Institute of Humanitarian and Social Research V.I. Abaeva Vladikavkaz Scientific Center
of the Russian Academy of Sciences and the Government of the Republic of North Ossetia – Alania,
Vladikavkaz, e-mail: kusaevaz@mail.ru*

This article reveals the degree of folk myth-formation actualization: epic motifs and archetypal symbols that are reflected in the national literature of Ossetians. The basis of the study is to establish the dynamics of manifestations of mythological borrowings in different forms of literary discourse, including mythological images, plot construction, using of mythological motifs, allusions etc. In Ossetian literature there is a quite impressive number of undoubtedly distinguished writers whose work appeals to epic motives. One of the first representatives of Ossetian literature, turned in his literary work to mythopoetic explanation is Kosta Levanovich Khetagurov. Being a carrier of meaning dominant ethnic traditions of his ethnos, Khetagurov absorbed in his artistic consciousness the epic themes and motifs, which were the basis of his archetypal literary works. The Ossetian writers' creative search invariably associated with mythoeptic motives. Bringing inspiration from the limitless world of Narta sagas, penetrating into the artistic consciousness from the depths of eternity and, seeing endless possibilities of artistic reconstructions of archetypes, the authors of literary works in the epic material attempted to justify the sacred meaning of the archaic world view and gave the representation of certain mythological archetypes in images of their literary works.

Keywords: Narta epos, Ossetian literature, storytelling, archetypes, mythopoeics

Художественное сознание осетинского народа характеризуется мифологическим типом восприятия, что прослеживается и в литературном творчестве, находящемся под значительным влиянием мифологической и фольклорной поэтики. Важной задачей является установление динамики проявления в литературном дискурсе разных форм мифологических заимствований, в том числе мифологического образостроения, сюжетостроения, использование мифологических мотивов, реминисценций, аллюзий и пр. Согласно определению Е.М. Мелетинского: «Древнейшая мифология в качестве некоего синкретического единства заключала в себе зародыши не только религии и древнейших философских представлений, но также искусства, пре-

жде всего – словесного» [4, 3]. В этой связи особый интерес представляет роль эпоса в становлении национальной литературы. По мнению В.И. Абаева: «Изучение ранних письменных памятников литературы каждого из народов немислимо вне связи их с эпосом» [1, 245]. В системе мировой художественной литературы фольклорно-мифологические мотивы представляют одну из важнейших составляющих словесного искусства. Очевидно, что и в осетинской литературе выстраивается весьма внушительный ряд несомненно выдающихся писателей, творчество которых апеллирует к эпическим мотивам: А. Кубалов «Предания о нартах» и «Герои-нарты», Н. Джусойты «Слезы Сырдона», М. Булкаты «Седьмой поход Сослана», С. Хугаев «Нарт Фарныг»,

Д. Кауров «Потомки Сырдона», К. Ходов «Колесо Балсага», А. Батыров «Приключения солнечной девочки нартов» и мн. др. Нартовские архетипы довольно ярко прослеживаются и в многогранном поэтическом творчестве Ш. Джикаева.

Одним из первых представителей осетинской словесности, обратившихся в своем литературном творчестве к мифопоэтическим мотивам, является Коста Леванович Хетагуров. Являясь носителем доминантных смыслов этнических традиций своего народа, Хетагуров вобрал в свое художественное сознание эпические сюжеты и мотивы, явившиеся архетипической основой его литературных произведений. «Аллюзиями и реминисценциями Нартовского эпоса пронизано творчество великого осетинского поэта» [2, 141]. Свой первый поэтический сборник на осетинском языке Коста назвал «Ирон фæндыр» («Осетинская лира»). Генетическая связь поэтического творчества с народным песенным искусством позволила ему выступить в особом качестве – певца-сказителя. Образ Сказителя (Кадагкæнаг) – один из устойчивых архетипов национального словесного искусства; он навсегда вошел в осетинскую литературу метафорой или аллегорией художественного творчества. «Мера «младописьменности» пропорциональна скорости литературного развития: осетинская литература возникла на рубеже XIX и XX веков на фоне вполне функциональной и развитой осетинской русскоязычной литературы, и еще скорей, чем она, дала разветвленную систему жанров, стилей и методов (даже два варианта литературного языка). Но именно «Ирон фæндыр» утверждён основанием национальной литературы: осетинским сознанием рубежа веков принята за образец поэзия гражданского пафоса, национального и общественного содержания и классической силлабо-тонической европейской формы стихотворного образца» [9, 112].

Коста жил, созерцая страдания народа и искренне сопереживая, посвящал ему «все помыслы и силы, всего себя...». В стремлении преобразить драматическую реальность быта осетинского народа автор находит творческий идеал в эпических образах, апеллирует к силе воздействия художественного мастерства нартовских героев:

*Если бы пел я как нарт вдохновенный,
Если б до неба мой голос взлетал,
Все бы собрал я народы вселенной,
Все бы о горе большом рассказал [8, 102].*

Примечательно, что Коста манифестирует *фæндыр* (лиру, арфу), как архетипический символ вселенской связи, способной объединить народы, привести гармонию

и совершенство в миропорядок и облегчить душевную боль поэта.

Осетинскому Нартовскому эпосу присущи астральные мотивы, отражающие вербальную связь небесных покровителей и эпических героев. «Национальный образ мира складывается в пантеонах, в космогониях, просвечивает в наборе основных архетипов-символов в искусстве» [3, 85]. Космологическая символика обрела выразительное воплощение и в народном песенном творчестве осетин. Повествуется в песнях о небожителях, являющихся высоко почитаемыми в традиционной религиозно-мировоззренческой системе и современного осетинского общества: Уастырджи (покровитель путников и мужчин-воинов), А́всати (покровитель лесных зверей и охотников), Фæлвæра (покровитель домашнего скота), Сафа (покровитель домашнего очага), Уацилла (покровитель зерна), Курдалагон (небесный кузнец), Тутыр, Светлый Реком, Мыкалгабыртæ. Тексты песен, посвященных святым покровителям, перекликаются с сюжетами Нартовского эпоса и являют собой молитвенное обращение с просьбами о даровании благоденствия людям:

*А́всати, ратт нын ратт, – бирæ дам ис
Ихсыд сæртай се стыртæй.
Кæд уымæй нæ дæдтыс, уæд та
Фугæ бынæй сæ къадтæртæй.
О, хъæбатыр Уастырджи, ракур нын
ды дæр,
А́всатийа нæ фæндаг раст цæмæй
уа!.. [7, 412].*

*А́всати, дай нам дай, – у тебя много
(лесных зверей)
Самую большую голову (оленья).
Если ты не даешь ее,
Тогда хотя бы самых мелких (зверей),
находящихся под кустарником.
О, великий Уастырджи, попроси и ты
А́всати, чтобы он благословил нашу
путь!..*

(Подстрочный перевод наш. – З.К.)

В приведенном тексте народной песни использована закодированная охотничья лексика, где под «Ихсыд сæртæ» (букв. «стертая голова»), очевидно, подразумевается олень, сбросивший рога, которого и просят охотники в качестве трофея у А́всати. Если же небесный покровитель не внемлет их мольбам, то просят охотники о даровании хотя бы самых мелких зверей, обитающих в плотных зарослях Рододендрона.

Прославляя А́всати и небожителей за богатые дары, поет хвалебную песню нарт Хамыц в «Нартовском сказании Сырдона о жизни вождя нартов Хамыца и его смерти»:

Ай, Аѳсати! Зæдтæ æмæ дауджытæ,
Сымах стут рæвдауджытæ,
Мах – уæ уæзджытæ! [8, 290].

Эпическими реминисценциями пронизано стихотворение «Всати» («Аѳсати»). Произведение было создано Хетагуровым на основе сюжета фольклорной песни об Аѳсати и в по-

«– О, уарæйда, Всати!
Ракæс, рафæлгæс,
Барзондæй ныллæгмæ
Хорз нæ бæфадзæхс!

Мах – дæ уазæг, Всати,
Ды – нæ фæдзæхсæг!
Барзондæй ныллæгмæ
Ракæс, рафæлгæс!..» [8, 110].

Фольклорно-мифологические ассоциации возникают и в поэтическом произведении «Лæскъдзæрæн» («В пастухах»), при упоминании автором Даредзанты хъæу (селение Даредзанов), Иуцæстон уæиг (одноглазый великан), æртæкъахон фынг (треножный стол) – неперенный атри-

Уастæн, ма стæфса сæ хъармæй
Гас нартон зымæг,
Чи сæ сарæзта йæ цармæй, –
Нарты Уырызмæг [8, 180].

В мифологическую страну Терк-Турк отправился нарт Уырызмаг по просьбе своего безымянного сына:

– Поведи меня в такую вражескую страну, в которой ты ни разу еще не воевал.
– Только одна осталась такая страна – Терк-Турк называется она. Нет на свете богаче ее [8, 44].

Женские мифо-фольклорные архетипы нашли свое литературное воплощение в образе Шатаны – матери всех нартов, представленной в нескольких вариантах поэмы Коста «Хетаг», как символ гостеприимства и изобилия:

Тогда Солтан обнял меня.
– Зайди к нам в дом, путник, говорят, бывает голоден.
Наша хозяйка найдет что-нибудь в своей кладовой.

Сæрыстыр, æсхæлдзырд,
Æнæбарвæсон,
Хæдзары – хъæдысырд,
Хъæубæсты – Сырдон [8, 82].
Он высокомерен

О, Авсати! Небесные покровители,
Вы – наши благодетели,
Мы – ваши гости! (Подстрочный перевод наш. – З.К.)

следствии стало популярнее своего первоисточника. В известный фольклорный сюжет поэт вносит свои стилевые особенности, композиционные приемы, динамику изложения.

– О, уарайда, Всати!
Щедрый, к нам явись.
Ты на горном скате,
Погляди-ка вниз!

Ты оленя, Всати,
Дай нам в добрый час.
Ты на горном скате,
Ты взгляни на нас!..»
(Перевод А. Шпирт)

бут ритуального застолья нартов, а также Терк-Турчы бæстæ (некая мифологическая страна).

«Терк-Турчы бæстæ – мæ хæтæн» («В стране Терк-Турк – мое обиталище»), произносит великан в стихотворении «Лæскъдзæрæн»:

Кровь пусть тот застудит в жилах
В нартский зимний мрак,
Кто из икуры зайца сшил их, –
Нартов Урузмаг.
(Перевод Б. Иринина)

Солтан позвал с порога:
– О, наша любезная хозяйка Шатана!
Фарн к тебе идет, скорее выноси угощение путнику, –
Вот посланник Инала стоит на пороге твоего дома, –
Теперь пусть мне достанется дар за эту благую весть! [8, 397].

(Подстрочный перевод наш. – З.К.)

В стихотворении «Чи дæ?» («Кто ты?»), бесспорно, творческому мышлению поэта способствовали ассоциативные представления, отождествляющие одного из персонажей поэтического произведения – жестокого, двуличного и хитрого отца суженной героя, с известным нартовским героем-трикстером Сырдоном:

Всегда с батраком,
Сырдоном и зверем
Входил он в свой дом.

(Перевод Л. Озерова).

Достаточно подробно освещены учеными-осетиноведами З.М. Салагаевой, Н.Г. Джусойты, Э.Б. Сатцаевым, Р.Н. Абисаловой и др. интертекстуальные связи эпического сказания «Сослан ма́рдты ба́сты» («Сослан в стране мертвых») и поэмы К.Л. Хетагурова «Уæлмæрдты» («На кладбище»). В символическом контексте мифологических представлений о потустороннем мире, при упоминании Хуры фырт и Маёйы фырт в поэме прослеживается также и космогоническая картина мира, занимающая значительное место в эпических сюжетах.

О значимости нартовского эпоса в этнической культуре осетин неоднократно упоминается в эпистолярном наследии Хетагурова и в этнографическом очерке «Особа». Представляют интерес наброски в записных книжках поэта, являющиеся одной из первых попыток циклизации Нартиады и свидетельствующие о стремлении Коста заложить основы эпической литературы.

История культуры на всем ее протяжении так или иначе соотносилась с мифологическим наследием. В XX в. «возрождение» мифа в художественной культуре опиралось на новое отношение к мифу, как вечно живому началу, провозглашенное «философией жизни», на уникальный в своем роде творческий опыт. По мнению Е.М. Мелетинского: «Мифология стала рассматриваться не как способ удовлетворения любознательности первобытного человека, а как тесно связанное с обрядовой жизнью племени и в значительной мере к нему восходящее «священное писание», прагматическая функция которого – регулирование и поддержка определенного природного и социального порядка, как прелогическая символическая система, родственная другим формам человеческого воображения и творческой фантазии» [4, 4].

Весьма ценно, когда события и явления актуального мира перекликаются с космологическими схемами эпических сюжетов, а также, когда система устного народного предания – основного концепта осетинской филологической культуры, «готово репродуцировать вновь и вновь» (К.-Г. Юнг), образуя в литературном тексте очередной этап языкотворчества, выраженного в новых поэтических формах. В данном контексте представляет интерес мотив «Цыкурайы фæрдыг» («Бусины исполнения желаний») (досл.: бусина, дающая все, о чем попросишь), занимающий значительное место в осетинской «Нартиаде» и оказавший плодотворное воздействие на творческое мышление осетинских писателей. Характерно, что данная реликвия является важной со-

ставляющей архаической картины мира осетин, сохранившая свою актуальность и в современной ритуальной культуре.

Согласно преданию, Волшебная бусина появляется на земле во время разгула стихии, сильной грозы, сопровождающейся громом. Исходя из религиозно-мифологических представлений осетин, данное явление объясняется как похищение Солнца неким хтоническим существом – Драконом. Символом Солнца в данном контексте является Цыкурайы фæрдыг, а дракона – змея, чьей добычей становится бусина, упавшая с небес на землю.

Согласно преданию, которое подробно зафиксировано в этнографическом очерке К.Л. Хетагурова «Особа», задача человека – добыть бусину из зева ядовитой змеи, безусловно, с риском для жизни, и только в этом случае она обретает свое функциональное назначение, а именно: исполнять желания, исцелять больных, воскрешать мертвых, дарить изобилие и благополучие, быть источником творческой энергии. В рамках же мифологической мировоззренческой системы восстанавливается мировая гармония, нарушенная вследствие борьбы Света и Тьмы.

Счастливые обладатели Чудесной бусины ревностно оберегают ее от посторонних глаз, храня в самом сокровенном месте своего жилища. О бережном отношении к бусине повествуется и в эпических текстах:

«Хамыц дæрдта цыкурайы фæрдыгæн Быценоны, йæ уарзон усы, бон йæ дзыппы, æхсæв та йын уыд хуры чызгау йæ цуры рух тын, рæсугъд сългоймаг» [5; 292]. (Хамыц хранил как Чудесную бусину, свою любимую жену Быценон, днем в кармане, а ночью она являлась к нему прекрасной женщиной, подобно дочери солнца, излучающей свет).

В осетинской традиции, лишь раз год в присутствии исключительно членов семьи, с чувством священного трепета извлекают бусину из тайника и выполняют обряд омовения бусины в молоке. Затем, поместив ее в центр трех ритуальных пирогов, совершают благодарственное молитвенное обращение к Богу и Небесным покровителям, одарившим их семью чудесной реликвией. Данный ритуал является подтверждением ее божественного происхождения, вопреки встречающемуся в научной литературе мнению, определяющему принадлежность Цыкурайы фæрдыг к предметам фетишистского поклонения, а соответственно, к низшей мифологии. В эпических текстах мотив Цыкурайы фæрдыг встречается в ряде сказаний: «Сказание Сырдона о битве Батрадза с небожителями и его смерти», «Нартовское сказание Сырдона о жизни вождя

нартов Хамыца и его смерти» и др. В сказании «Как Сослан женился на Бедохи» сюжет основан на двух инициационных мотивах:

1) добывание Сосланом невесты и обретение им статуса мужа;

2) смерть Бедохи и ее чудесное воскрешение посредством волшебной бусины для обретения нового статуса – жены:

«И вот видит Сослан, что змея выползла из норы и держит она в пасти волшебную бусину – бусину исполнения желаний. Этой бусиной потеряла змея то место, где разрубил ее Сослан, и тут же срослись обе

*Маенмае цыкурайы фæрдыг ныр ис, –
Æдзух вайыы маенмае æппат, цы курон;
Уый нау заеххон, уæларвонтсей у – хурон,
Дзæбæх кæны фыднизтæ, зоны рис.
На ратта уый маенен ыстыр Дзывгъис,
Надæр та Сафа, Уацилла, Æртхурон.
Æз калмаей байстон уый, уыди фыдхъулон;
Цæхертæ калгæ, сау маргæй сыгъдис.
Фæндонсей æз фæтæхдзынæн уæларвмае,
Æркалдынæн нае заехмае Рухсæй тын;
Мае аууон заеххыл райдайдзæн хæтын,
Дæлдзæхæн та ныккæсдзынæн йæ арфмае.
Дунетыл таудзынæн расугъдæр фын.
Æз талынгæн æрхаудзынæн йæ тарфмае.*

В художественном сознании поэта Цыкурайы фæрдыг – воплощение солнечной божественной энергии, проникающей сквозь трехчастную структуру мира (уæларв (небеса), заехх (земля), дæлдзæх (подземный мир)) и наполняющей вселенную творческой энергией, побеждающей хаос.

Сила художника – в умении «говорить архетипами». «Тот, кто говорит архетипами, глаголет как бы тысячей голосов, он охватывает и увлекает; при этом он подымает изображаемое им из мира единократного и преходящего в сферу вечносущего; при этом же и свою личную судьбу он возвышает до всечеловеческой судьбы и через это высвобождает и в нас благотворные силы, которые во все времена давали человечеству возможность выдерживать все беды и переживать даже самую долгую ночь. В этом – тайна воздействия искусства...» [10, 8–9]. Устойчивый интерес к проблеме фольклоризма в осетинской литературе обусловлен в большой степени самых разнообразных форм и методов фольклорного заимствования. Творческий поиск осетинских писателей неизменно связан с мифо-эпическими мотивами. Черпая вдохновение в безграничном мире нартовских

половины, и поползла змея прочь. Но Сослан ударил ее мечом по голове и убил насмерть. Вынул он из пасти ее бусу исполнения желаний и приложил к ране Бедохи. Выдохнула девушка, потянулась и сказала:

– Как долго спала я!» [6, 124].

Показательно, что в осетинской литературе создание первого произведения в жанре одной из сложнейших поэтических форм – сонета также было обусловлено обращением к мотиву Цыкурайы фæрдыг, задавшим творческий импульс поэтическому воображению Алихана Токаева:

*У меня теперь есть чудесная бусина, –
И всегда я получаю то, что пожелаю;
Она не земная, небесная – солнечная,
Она исцеляет больных.
Не дал мне ее Великий Дзывгис,
Ни Сафа, Уацилла, Артхурон.
Я отобрал ее у змеи, она была ужасна;
Сверкая, черным ядом горела она.
Взлечу я до небес,
Пролью на нашу землю лучи Света.
Моя тень бродить будет по земле,
И загляну я вглубь подземного мира.
Я брошусь в самую гуцу тьмы.
И подарю Вселенной прекраснейший из снов. (Подстрочный перевод наш – З.К.)*

сюжетов, проникающих в художественное сознание из глубин вечности, и усматривая неисчерпаемые возможности художественных реконструкций архетипов, авторы литературных произведений на эпическом материале попытались обосновать сакральные смыслы архаической картины мира и представили репрезентацию некоторых мифологических архетипов в художественных образах своих литературных произведений.

Список литературы

1. Абаев В.И. Нартовский эпос осетин // Избранные труды: Религия, фольклор, литература. – Владикавказ: Ир, 1990.
2. Абисалова Р.Н. Аллюзии нартовского эпоса в творчестве Коста Хетагурова // Россия и Кавказ: материалы Международной юбилейной научной конференции. – Владикавказ, 2010.
3. Гачев Г. Космо – Псхо – Логос. Национальные образы мира. – М., 2007.
4. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. – М.: Академический Проект, 2012.
5. Нарты кадджытæ. Ирон адамы эпос. Т. 3 / сост. Т. Хамицаева, Ш. Джикаев. – Т.3. – Дзауджыкъæу, 2005.
6. Осетинские нартские сказания. – Дзауджикау, 1948.
7. Салагаева З. Ирон адамон сфалдыстад. – Т.2. – Дзауджыкъæу: Ир, 2007.
8. Хетагуров К. Полное собрание сочинений в 5-ти т. – Т. 1. – Владикавказ, 2000.

9. Хугаев И.С. Генезис и развитие русскоязычной осетинской литературы. – Владикавказ, 2008.

10. Цитата по: Большакова А.Ю. Архетип, миф и память литературы // Архетипы, мифологемы, символы в художественной картине мира писателя. – Астрахань, 2010.

9. Hugaev I.S. Genезis i razvitie russkojazyčnoj osetin-skoj literatury. Vladikavkaz, 2008.

10. Citata po: Bol'shakova A.Ju. Arhetip, mif i pamjat' literatury // Arhetipy, mifologemy, simvoly v hudozhestvennoj kartine mira pisatelja. Astrahan', 2010.

References

1. Abaev.V.I. Nartovskij jepos osetin // Izbrannye trudy: Religija, fol'klor, literatura. Vladikavkaz: Ir, 1990.

2. Abisalova R.N. Alljuzii nartovskogo jeposa v tvorchestve Kosta Hetagurova // Materialy Mezhdunarodnoj jubilejnoj nauchnoj konferencii «Rossija i Kavkaz», Vladikavkaz, 2010.

3. Gachev G. Kosmo – Psho – Logos. Nacional'nye obrazy mira. M., 2007.

4. Meletinskij E.M. Pojetika mifa. M.: Akademicheskij Proekt, 2012.

5. Narty kaddzhytæ. Iron adæmy jepos. T. 3. Sost. Hamicaeva T., Dzhikaev Sh. T. 3. Dzauzhyh'æu, 2005.

6. Osetinskie nartskie skazanija. Dzauzhykau, 1948.

7. Salagaeva Z. Iron adamon sfaldystad. T.2. Dzauzhyh'au: Ir, 2007.

8. Hetagurov K. Polnoe sobranie sochinenij v 5-ti t. T. 1. Vladikavkaz, 2000.

Рецензенты:

Фидарова Р.Я., д.ф.н., профессор, главный научный сотрудник отдела фольклора и литературы Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева Владикавказского научного центра Российской академии наук и Правительства Республики Северная Осетия – Алания, г. Владикавказ;

Бекоев В.И., д.ф.н., доцент кафедры русской и зарубежной литературы ФГБОУ ВПО «Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова». РСО – Алания, г. Владикавказ.

Работа поступила в редакцию 07.03.2013.